
КТО, О КОМ И НА КАКИХ УСЛОВИЯХ ДОЛЖЕН ЗАБОТИТЬСЯ? ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ РЕЖИМОВ ЗАБОТЫ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Ж.В. Чернова

Статья посвящена гендерному анализу моделей семейной политики государств всеобщего благосостояния с точки зрения того, каким образом в них определяется социальная забота, между какими акторами и на каких условиях разделяются обязанности по уходу и воспитанию детей. Для этого в статье используется понятие режима заботы, состоящего не только из набора прямых и косвенных мер поддержки, адресованных семье, но и нормативных представлений о хорошей заботе, а также о субъектах заботы, их статусе в обществе. Показано, что гендерный анализ режимов заботы позволяет провести комплексное изучение семейной политики. Автор формулирует типологию режимов заботы: «этатизация», «приватизация» и «маркетизация», отражающую основные направления развития семейной политики в странах Западной Европы.

Ключевые слова: семейная политика, государства всеобщего благосостояния, социальная забота, «режим заботы», гендерные исследования

Цель данной статьи заключается в том, чтобы концептуализировать понятие социальной заботы, а также проанализировать то, как различаются модели семейной политики в зависимости от сложившихся в них режимов заботы. Именно ответ на вопрос, как организована забота о детях, кому делегировано выполнение этих функций, является, на наш взгляд, наиболее важным показателем, определяющим специфику той или иной модели семейной политики.

В современном понимании формирование моделей семейной политики непосредственно связано с возникновением и развитием государств всеобщего благосостояния. Политика государства всеобщего благосостояния может рассматриваться в трех основных сферах – занятость, социальная забота и благосостояние [Daly, Rake, 2003]. Такой подход

направлен на изучение того, как эти сферы структурированы государством и его институтами в конкретной стране, а также того, как граждане организуют работу, заботу и обеспечивают собственное благополучие в условиях того или иного социального государства.

Большинство феминистских исследователей, развивая гендерную критику государств всеобщего благосостояния, концентрировали свое внимание в первую очередь на том, как и в какой степени женщины интегрированы в сферу занятости. Их интересовал ответ на вопрос, каким образом государство всеобщего благосостояния влияет на гендерное разделение в сфере оплачиваемой занятости, является ли его политика «дружественной в отношении женщин», ориентированной на формирование гендерного равенства на рынке труда или, напротив, на воспроизводство традиционного разделения труда между полами. Вопрос же о том, как государство всеобщего благосостояния определяет политику заботы о детях, оставался для них второстепенным по сравнению с проблемами оплачиваемой занятости женщин [Pfau-Effinger, 2000]. Те исследователи, которые включали измерение «заботы» в анализ социальной политики, как правило, фокусировались на микроуровне гендерных отношений, ограничивая свое рассмотрение «семейной заботой» и практически не связывали ее с политикой государств всеобщего благосостояния [Daly, 2002]. Между тем вопрос о том, кому дискурсивно предписывается и кто реально выполняет функции заботы и воспитания детей – семья, государство и / или рынок, – является центральным при рассмотрении семейной политики.

Модели семейной политики можно различать в зависимости от степени возможного вмешательства государства в жизнь семьи, которой адресована помощь государства; набора и объема предоставляемых видов поддержки, а также и на основе того, кто из акторов в большей степени ответственен за выполнение функций социальной заботы и на каких условиях он их выполняет. Мы в своем анализе будем опираться на типологию семейной политики, которая соответствует режимам государств всеобщего благосостояния Эспинг-Андерсена [Esping-Andersen, 1990]. Либеральная модель отличается низким уровнем помощи семьям, ориентирована на наиболее нуждающиеся категории граждан и рассчитывает на рыночные механизмы, особенно там, где речь идет об уходе за детьми. Консервативная модель семейной политики учитывает характер занятости родителей и исходит из традиционного представления о гендерном разделении труда как в публичной, так и в частной сферах. Социально-демократическая модель характеризуется: предоставлением государственных пособий всем семьям; высоким уровнем материальной помощи работающим родителям; усилиями, направленными на обеспечение гендерного равенства как в занятости, так и в родительстве.

Ученые, изучающие гендерные аспекты социальной политики, не сразу начали изучать родительство, и вопрос о том, как организована

социальная забота, оставался для них второстепенным по сравнению с проблемами участия женщин в оплачиваемой занятости [Pfau-Effinger, 2000]. Исследования, которые включали измерение заботы, как правило, фокусировались на микроуровне гендерных отношений, ограничивались рассмотрением «семейной заботы», и практически не связывали ее с политикой государств всеобщего благосостояния [Daly, 2002]. Для нас в анализе семейной политики центральным является вопрос о том, кому предписывается и кто выполняет функции заботы о детях. Именно ответ на этот вопрос представляется наиболее важным показателем, определяющим специфику той или иной модели семейной политики.

Концептуализация заботы

Применительно к теме нашего рассмотрения – анализу моделей семейной политики – мы будем рассматривать заботу в терминах институциональных условий и принципов, при которых осуществляется деятельность по уходу за зависимыми членами семьи (детьми, пожилых, больных и пр.) [Daly, 2002; Daly, Rake, 2003]. Условно можно выделить три значения концепта заботы, которые сложились в научной литературе: 1) как понятие, используемое для того, чтобы описать специфический женский опыт, связанный с выполнением этих обязанностей; 2) как специфический тип отношений, складывающийся между субъектом и объектом заботы; 3) как особый вид работы, выполняемый в рамках определенных социальных и экономических отношений.

Понятие «забота» является важным для феминистских исследований. Забота долгое время была категорией анализа, характеризующей специфический женский опыт, в первую очередь материнство. Изначально категория заботы была гендерной категорией, поскольку с ее помощью описывалась особая жизненная ситуация женщин, связанная с их репродуктивными возможностями. Нормативные гендерные роли для женщин – мать, жена – предполагали, что именно они будут выполнять неоплачиваемую домашнюю работу и заботиться о близких (детях, старших и больных родственниках). В феминистской теории такие роли были проанализированы в терминах власти, которая инкорпорирована в семейные и родственные отношения. Экономически они были связаны со сложившимся гендерным разделением труда, когда выполнение неоплачиваемой домашней работы способствует (вос)производству патриархата и эксплуатации женщин, закрепляя за «женской» работой вторичный статус по сравнению с «мужской» (оплачиваемой и видимой). Фокус большинства исследований был направлен на изучение заботы в сфере семьи. В конце 1980-х – начале 1990-х годов исследователи обратились к анализу оплачиваемой заботы [Graham, 1991] и более детально рассмотрению роли социальной политики и государства в инсти-

туциализации заботы [Ungerson, 1997]. Такой подход позволил проблематизировать идеологическую и материальную составляющую социальной заботы, связанную с (вос)производством женщин как основных поставщиков подобного рода услуг в семье и обществе в целом.

Вторым направлением было изучение эмоциональной составляющей заботы – практике, основанной на позитивных чувствах. В этих исследованиях был сделан акцент на этической стороне данной деятельности, подчеркнута роль заботы в поддержании благосостояния индивидов и общностей. Были выделены нравственные принципы, инкорпорированные в заботу (эмпатия, альтруизм, самопожертвование). В этом случае забота рассматривается как особый вид социальных отношений, базирующихся на осознании значимости близости между людьми, отношений взаимозависимости, предполагающих открытость и доверие, забота расценивается как этическая практика. В данном понимании забота определяется как система ценностей, задающая набор социальных действий и репертуара отношений между субъектом и объектом заботы [Sevenhuijsen, 2000]. При таком понимании забота перестает быть исключительно гендерной категорией, конституирующей нормативную женственность, ее осуществление не связывается исключительно с семьей. Забота может быть локализована вне семьи, например, «третьем» секторе и осуществляться в рамках волонтерской и благотворительной помощи [Tronto, 1993. P. 40].

Третий способ концептуализации заботы представлен в исследованиях социальной политики. Главное внимание здесь уделяется тому, как социальная политика отвечает на потребность в заботе о зависимых категориях граждан, как и в какой форме происходит институциализация этого специфического вида труда (оплачиваемый или неоплачиваемый, формальный или неформальный). Нужно отметить, что данное направление исследований использовало феминистскую перспективу понимания заботы исходя из того, что все большее количество женщин участвует в профессиональной занятости и что они имеют все меньше возможностей заниматься выполнением домашней работы и уходом за детьми, пожилыми и больными родственниками. Государства всеобщего благосостояния по-разному ответили на сложившийся «дефицит заботы» в обществе, обеспечив разные режимы заботы [Daly, 2002; Daly, Rake, 2003]. Организация заботы является частью семейной политики государств всеобщего благосостояния, различия между которыми заключаются в том, кто и на каких условиях берет на себя ответственность за осуществление ухода за зависимыми категориями граждан: государство, рынок или семья [Ungerson, 1995; Anttonen, Sipilä, 1996].

В этом подходе возникает спорная дихотомия оплачиваемой и неоплачиваемой работы. В отличие от формальной занятости забота определяется как неоплачиваемая работа, которая выполняется женщинами в семье. Так, Хилари Грэхем исследовала понятие «домашней, основанной

на родстве заботы» (home-based kin-care) и пришла к выводу о том, что при таком рассмотрении исключаются все формы внесемейной заботы (услуги, предоставляемые государством или рынком), а также не учитывается то, что значительная часть домашней работы (например, уборка) выполняется наемными работниками, мигрантами. Сложившееся в феминистских исследованиях понимание заботы как эмоциональной работы не позволяет анализировать другие виды домашней работы, а также говорить о властных отношениях, которые существуют не только между мужчинами и женщинами, но и между различными группами женщин [Graham, 1991]. Отношения заботы порождают новую цепочку социальных неравенств – между матерями и нянями, хозяйками дома и домработницами.

Кроме того, противопоставление заботы, осуществляемой в рамках формальных институтов (детские учреждения, дома престарелых), неформальной заботе, выполненной в приватной сфере и семье, делает сравнительный анализ семейной политики государств всеобщего благосостояния излишне схематичным. Режим заботы в каждом конкретном случае может представлять конфигурацию различных предписаний и практик осуществления ухода, выстраиваться в зависимости от объекта заботы (дети, пожилые) и не быть когерентным. Так, в рамках одного режима заботы могут сосуществовать различные предписания о том, кто и где будет лучше заботиться о детях (родная мать, няня, воспитатели в государственных или частных детских учреждениях), которые не обязательно будут сводиться к одному «поставщику» услуг (семье, рынку, государству).

Общества «дефицита заботы»: кто о ком и как заботится

Арли Хохшильд определяет заботу как эмоциональные связи и взаимоотношения, которые возникают между тем, кто осуществляет заботу, и тем, о ком заботятся; а также как обязательство, при котором тот человек, который осуществляет заботу, чувствует себя ответственным за благополучие других и выполняет интеллектуальную, эмоциональную и физическую работу для осуществления этой ответственности [Hochschild, 2003. P. 214]. Автор отмечает, что практически все типы заботы требуют от заботящегося большое количество личной и эмоциональной вовлеченности в такие отношения, но при этом мы редко думаем об этом терминах работы. Скорее, она нам кажется «естественной» и легкой [Ibid. P. 215]. Между тем заботясь о ком-то, мы не просто выражаем любовь и привязанность, мы вкладываем свое время, эмоции, причем точкой референции для нас являются нормативные представления о том, какие чувства должен испытывать человек в конкретной жизненной ситуации. Например, материнство носит положительную эмоциональную окраску, что предписывает женщине испытывать любовь и нежность в отношении ребенка. При этом негативная эмоциональная тональность материнства, как то: чувства

раздражения, недовольства, фрустрации, которые может испытывать женщина, – не вписываются в нормативную модель «счастливой» матери.

Практически все исследователи, и мнение Хохшильд здесь не единично, указывают на изменения, которые произошли в сфере семейных отношений в развитых индустриальных странах в последние десятилетия – повышение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка; снижение уровня брачности; широкое распространение партнерских союзов; увеличение числа разводов; увеличение доли монородительских семей, преимущественно материнских; повышение числа внебрачных рождений; ослабление обязательств между мужчинами и детьми, выраженная в том, что интенсивность контактов между отцами и детьми после развода существенно уменьшается. Эти и другие трансформации брачно-репродуктивного поведения накладываются на изменения в формальной занятости женщин, которая характеризуется устойчивой тенденцией ко все большему участию женщин в сфере труда, что делает проблему совмещения семейных и профессиональных обязанностей особенно актуальной.

По мнению Хохшильд, все это влияет на изменение потребности в заботе. Большая часть ответственности за выполнение заботы по-прежнему ложится на женщин. Они вынуждены принимать решение о том, кто будет обеспечивать уход за нуждающимися членами семьи. Работающие матери пытаются найти баланс между домашними и профессиональными обязанностями, расставить приоритеты между собственными интересами и интересами ребенка. Хохшильд подчеркивает, что данная задача по совмещению ролей часто осложняется для женщин двумя факторами: реальное и / или номинальное отсутствие партнера, с которым они разделяют выполнение домашней работы и заботу о детях; условия профессиональной деятельности, не допускающие гибкий график работы, частичную занятость, самозанятость, то есть не позволяют им сочетать материнство и работу, создавая ситуацию «жесткого выбора» между материнством и профессией.

Эту ситуацию, в которую попали многие работающие женщины, она называет «блокированной гендерной революцией». Что стоит за этим определением? Революционные, по своей сути, изменения состоят в том, что в последние десятилетия XX века в большинстве западных стран женщины перестали быть только домохозяйками, они стали активно выходить на рынок труда и участвовать в оплачиваемой занятости. Однако эта эмансипация затронула преимущественно женщин, расширив для них репертуар возможных ролей и жизненных выборов, в то время как маскулинность осталась практически без изменений. По-прежнему роль «сильного кормильца» выступает нормативной моделью и не предполагает равного участия мужчин и отцов в выполнении домашней работы, осуществлении ухода и воспитании детей. В большинстве случаев феномен «нового ответственного» отцовства до сих пор остается дискурсивной инновацией, характерной для молодых образо-

ванных мужчин среднего класса и не получившей широкого распространения среди других типов мужественности.

Современные западные общества переживают рост потребности в заботе, который происходит на фоне сокращения «объема» заботы как на уровне политики, проводимой государством, так и в повседневной жизни людей. Иными словами, дефицит заботы проявляется на институциональном и на индивидуальном уровне. Сокращение помощи со стороны государства одиноким матерям, инвалидам и другим зависимым категориям граждан является общим трендом для моделей семейной политики государств всеобщего благосостояния, которые стремятся сократить свои расходы на содержание и развитие социальной инфраструктуры за счет привлечения средств работодателей, возможностей гражданского общества и самих семей в осуществлении этого вида поддержки. Конфликты между супругами по поводу выполнения домашней работы, организации ухода и воспитания детей, когда экономически активные женщины-матери не могут «поставлять» в прежнем объеме необходимую их домочадцам заботу, также вносят свой вклад в формирование дефицита на микроуровне.

В политическом дискурсе современных государств всеобщего благосостояния присутствуют несколько «идеалов» заботы: «полное материнство», когда женщина посвящает все свое время исключительно уходу и воспитанию ребенка (*full-time mother care*); «участие обоих родителей», когда и отец и мать разделяют обязанности по организации ухода за ребенком (*parental sharing*); «расширенное материнство», когда в уходе и заботе о ребенке участвуют бабушки и другие родственники (*intergeneration care*); «суррогатная материнская забота» – для присмотра за ребенком родители нанимают няню (*surrogate mother care*); «профессиональная забота» (*professional care*) [Kremer, 2006]. С одной стороны, эти «идеалы» являются рамками референций для политиков, педагогов, врачей, социальных исследователей и других акторов в дебатах о том, кто, о ком и как должен заботиться. С другой стороны, идеалы заботы конкурируют за доминирующее место в официальном дискурсе, определяющим идеологическую направленность семейной политики, поскольку формируют нормативное представление о «правильном» уходе за ребенком. Важно, что существующие идеалы заботы не являются ригидными моральными императивами. Они контекстуальны и выступают результатом переговоров внутри семьи, а также между семьей и другими акторами семейной политики, составляют «режим заботы» того или иного государства. Таким образом, основной вопрос, на который пытаются найти ответ политики и социальные исследователи, – кто будет выполнять те обязанности, которые раньше делали жены, матери и дочери в рамках семьи? Иными словами, кто и на каких условиях восполнит дефицит заботы, существующий на индивидуальном и институциональном уровнях? По мнению Хохшилд, можно говорить о существовании четырех моделей заботы, каждая из которых основывается

на своем понимании заботы, а также представления о том, кто ее должен осуществлять, в каком объеме, а также какой тип заботы является «наилучшим» [Hochschild, 2003. P. 214]. Рассмотрим их более подробно.

Традиционная модель заключается в том, что женщины должны вернуться домой, где они будут обеспечивать неоплачиваемую заботу, основанную на родственных связях. В этом случае политический дискурс основывается на традиционной модели семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой (идеал заботы «полное материнство» в типологии Кремер). Выполнение экспрессивной функции – заботы – является конституирующим элементом нормативной гендерной роли для женщин. Хохшильд считает, что такое «решение» ведет к полному аннулированию экономической эмансипации женщин и поскольку мужчины исключены из сферы выполнения заботы, то забота по-прежнему остается обесцененной; в этом случае она также не будет определяться в терминах работы, так как не измеряется в денежном эквиваленте, а рассматривается как выражение естественного предназначения женщин. Преимущество этой модели для мужчин состоит в том, что женщины выполняют заботу, а сама забота является «персонифицированной». Ограничения традиционной модели заботы связаны, главным образом, с долгосрочными тенденциями, которые сопряжены с возрастающей эмансипацией женщин и интеграцией их в сферу занятости, а это приведет к тому, что все меньшее число женщин будет (вос)производить данную модель заботы в «чистом» виде. По мнению Хохшильда, для женщин вопрос заключается не в том, что действительно ли они хотят быть домохозяйками, а в том, что сейчас, когда около половины браков заканчивается разводом, могут ли они быть уверены в стабильности своего положения? [Ibid. P. 219]. И в этом случае неотрадиционализм семейной политики, не гарантирующий стабильности браков, является неадекватным из-за своей нормативной ориентации на «крепкие» семьи с одним работающим супругом.

Постсовременная модель представлена гендерным контрактом «работающая мать», который предполагает совмещение женщинами домашних, родительских и профессиональных обязанностей без дополнительной помощи со стороны государства, работодателя, мужа и других акторов. Данная модель выстраивается не вокруг образа заботливой жены и матери, а вокруг образа независимого отдельного индивида, не нуждающегося в заботе. Такое переформатирование легитимирует дефицит заботы, существующий в семье и обществе в целом, поскольку диапазон потребностей в заботе значительно сокращается. Забота рассматривается как время обязанностей, которое ограничивает жизненные возможности как женщин, так и мужчин, а те группы, которые традиционно определялись как нуждающиеся в заботе (дети, старики), конструируются как способные самостоятельно позаботиться о себе. Большую роль в формировании постсовременной версии заботы играют медиарепрезентации, предлагающие

образы детства и старости, соответствующие данной модели. В качестве одного из примеров можно привести популярный фильм «Один дома», репрезентирующий идею «суперребенка», способного самостоятельно справиться со многими трудностями, начиная от покупки продуктов и заканчивая противоборством с грабителями. В государственном секторе, предоставляющем услуги по уходу, некоторые практики также соответствуют постсовременной модели заботы: ранняя выписка матерей после родов, сокращение времени пребывания в больнице после серьезных хирургических операций и др. В целом это иллюстрирует отказ определенных государств от создания семейной политики, направленной на защиту детей и поддержание женщин, в чем Хохшильд видит выражение постсовременной модели заботы. Казалось бы, необходимо изменить дискурсивное представление о заботе и рассматривать заботу как нечто необязательное и ненужное. Но это вряд ли возможно: семейная, неформальная забота высоко востребована в межличностных отношениях, конституируя межпоколенческую солидарность на уровне отдельной семьи и общества в целом.

Современная модель «холодной заботы» (cold modern model) представлена безличной формой институционализированной заботы, предоставляемой в течение продолжительного времени, например, 10–12 часов в детских учреждениях или круглосуточно в домах престарелых. Она выстраивается на идее о том, что потребность в заботе может быть удовлетворена вне семьи, а вопрос о распределении заботы между «семейными», неформальными и формальными «поставщиками» однозначно решается в пользу последних. В качестве акторов, которые заинтересованы в доминировании данной модели заботы, Хохшильд называет корпорации и других работодателей, стремящихся минимизировать семейные обязательства своих работников и вынуждающих работающих родителей делать выбор в пользу институционализированных форм заботы о детях. Для этой модели характерна коммодификация заботы, когда забота о детях и пожилых становится товаром, который предлагается одними и покупается другими группами населения, калькуляция стоимости которого производится в соответствии с рыночными принципами. В этом случае потребители заинтересованы в качестве заботы об их детях и пожилых родственниках.

Современная модель «теплой заботы» (warm modern model) может быть представлена следующим образом. Институты обеспечивают относительно небольшую часть заботы о пожилых и детях, в то время как мужчины и женщины одинаково участвуют в осуществлении заботы в рамках семьи. В данном случае возможно провести аналогии с идеалом заботы, которую Кремер описывает как участие обоих родителей в уходе за ребенком (parental sharing). Эта модель представляется Хохшильд наиболее привлекательной. Во-первых, общественные институты принимают участие в выполнении заботы, что соответствует современным изменениям в оплачиваемой занятости женщин, позволяя им совмещать материнские

и профессиональные обязанности. Во-вторых, поскольку не вся забота делегируется государственным или рыночным «поставщикам», отношения, характеризующие заботу, остаются персонифицированными, «теплыми». В-третьих, эта модель соответствует идеологии гендерного равенства, когда и мужчины, и женщины принимают участие в выполнении заботы. В отличие от постсовременной модели в данном случае потребности в заботе не сокращены и не ликвидированы полностью, напротив, выполнение этих функций рассматривается как важная работа, обладающая большой социальной значимостью [Hochschild, 2003. P. 219–222].

Предложенная Хохшильд типология позволяет рассматривать модели заботы в качестве культурных образцов, вписанных в контекст гендерной культуры общества. Проблематизация дефицита заботы позволяет подчеркнуть важность включения категории заботы в анализ моделей семейной политики. Такой фокус рассмотрения позволит понять, как определяется забота о детях в рамках той или иной модели; определяется ли она как «естественная обязанность» женщин, которая должна выполняться главным образом в рамках семьи или же осознается как особый вид работы, требующий соответствующего признания, в том числе материального вознаграждения; кому делегируется выполнение работы по осуществлению заботы; как эта работа распределена между государством, рынком, мужчинами и женщинами и на каких условиях осуществляется. Однако, как и любая типология, она носит схематичный характер и представляет, скорее, некоторую констатацию существующих способов решения проблемы дефицита заботы в современных западных обществах, не указывая на причины, по которым сложился тот или иной режим заботы. Использование идеалов заботы, предложенных Моник Кремер, позволит сделать сравнение семейной политики различных государств всеобщего благосостояния с учетом нормативных представлений о семье и гендерной идеологии.

Социальная забота как полезная категория анализа

Современные авторы пытаются пересмотреть основания феминистской теории и найти новые «культурные конструкты» женственности, адекватные вызовам, с которыми сталкиваются женщины, стремясь совместить обязанности жены и матери с требованиями рынка труда в рамках государств всеобщего благосостояния [Hochschild, 2003]. Кэрол Томас предложила схему анализа социальной политики, позволяющую не только реконструировать нормативную модель заботы, характерную для того или иного общества, но и сравнить различные модели семейной политики по таким основаниям, как субъект, объект, локализация и статус заботы в обществе [Thomas, 1993]. Рассмотрим эти измерения более подробно.

Субъект заботы. Это измерение касается социальных характеристик того, кто заботится. Субъекты заботы могут быть определены через

семейные статусы: «жена», «мать», «дочь», профессиональные роли: «медсестра», «социальный работник», а также через их принадлежность к тому или иному сектору, в рамках которого осуществляется забота – «волонтер», «наемный работник». Здесь важен акцент на гендерной характеристике этих ролей, так как преимущественно эти функции в обществе осуществляются женщинами.

Объект заботы, то есть за кем ухаживают. В большинстве случаев получатели заботы делятся по возрастным признакам или состоянию здоровья. Сюда может относиться семья как объект заботы со стороны государства. По мнению Томас, важным в данном случае является «статус зависимости» (dependency status), которым наделяются те, вокруг которых организуется забота.

Характер взаимоотношений между субъектом и объектом заботы, которые, как правило, определяются в терминах эмоциональной насыщенности и позитивно окрашенных отношений и обязательств. Семейные отношения рассматриваются как базовые для отношений заботы, кроме того, межличностные отношения могут основываться на дружбе и «добрососедстве» (neighborliness), а также возникать между незнакомыми людьми, связанными отношениями заботы в силу формальных или добровольческих услуг по оказанию помощи (примером служат отношения между воспитателем в детском саду и ребенком; волонтером в социальной службе и клиентом). Последний тип отношений предполагает то, что отношения заботы формируются между незнакомыми людьми в рамках определенных институциональных условий для выполнения взаимных обязательств.

Локализация заботы. Это измерение касается основного разделения труда в обществе – разделение на публичную и приватную (или домашнюю) сферы. В зависимости от локализации само понимание заботы может существенным образом различаться. Например, если речь идет о традиционном гендерном разделении труда, то субъектом заботы выступают исключительно женщины, объектом – дети, старшие и больные родственники, забота осуществляется дома, в приватной сфере, а отношения между всеми участниками носят персонифицированный характер, основанный на родственной любви и взаимной привязанности. При этом забота не рассматривается в категориях работы, а понимается как «естественное» выражение любви и близости, существующей, например, между матерью и ребенком. В этом случае все остальные формы заботы, локализованные в публичной сфере, не попадают в рамки изучения и наоборот. Таким образом, локализация заботы выступает конституирующим признаком определения заботы в целом.

Статус заботы и связанный с ним экономический характер этих отношений – оплачивается или не оплачивается работа по уходу. Это измерение пересекается с локализацией заботы, но использование его в анализе позволит сделать его более многомерным. Так, выполнение данных

функций нянями и сиделками будет оплачиваемой работой, но при этом данная работа может не обладать высоким социальным статусом. Волонтерский труд, локализованный в публичной сфере, не предполагает материального вознаграждения его исполнителям, но имеет высокое символическое значение в идеологии «добрых дел». Однако в литературе авторы, как правило, фокусируются на одном типе заботы, осуществляемой в приватной сфере, и не имеющей характер оплачиваемого труда.

Институциональные условия, в которых осуществляется забота. Это измерение связано с политикой государства всеобщего благосостояния, которая предполагает разделение ответственности за осуществление заботы между семьей, государством и рынком. Данное измерение представляет собой то, что определяется как «социальная забота», то есть определенная деятельность и набор отношений на пересечении ответственности государства, рынка, семьи и третьего сектора [Daly, Lewis, 2000].

Изменения в определении места и ценности заботы в социальной политике государств всеобщего благосостояния связаны, с одной стороны, с произошедшим сокращением предоставляемых государством мер поддержки, а с другой стороны, с возрастанием потребности в этих услугах и проблематизацией качества такого рода помощи. Что обусловило формирование повышенного спроса на социальную заботу? К основным причинам относится появление смешанной экономики государства всеобщего благосостояния, ориентированной на передачу функций по осуществлению заботы от государства как «главного поставщика» (различных видов материальной и сервисной поддержки) к семье и волонтерскому сектору (приватизация заботы), а также маркетизацией данного вида услуг.

Мэри Дейли и Джейн Льюис выделяют три аспекта рассмотрения социальной заботы. Во-первых, деятельность по осуществлению ухода и заботы является трудом, что позволяет сравнивать ее с другими видами занятости, говорить о содержании, условиях и оплате труда. Такое понимание заботы позволяет проанализировать роль государства всеобщего благосостояния с точки зрения того, является ли работа по осуществлению заботы оплачиваемой или нет, формальной или неформальной занятостью, локализованной преимущественно в приватной и / или публичной сфере. Во-вторых, важны нормативные представления о том, кто и где должен осуществлять заботу и на каких условиях – так называемый дискурс заботы, направленный на определение и легитимацию определенных образцов заботы в качестве доминирующих. При такой постановке вопроса анализ направлен на изучение социальных отношений заботы, того, каким образом они распределены между мужчинами и женщинами, на роли государства в ослаблении или укреплении существующих норм о заботе. В-третьих, социальная забота как деятельность осуществляется различными акторами (государством, семьей, рынком, третьим сектором), поэтому встает вопрос о том, как распределяется от-

ветственность между этими «поставщиками» услуг: между мужчинами и женщинами, между семьей, государством и рынком. Конфигурация разделения заботы между этими акторами может быть различной в зависимости от конкретной политики государства всеобщего благосостояния, установленного «режима заботы» [Daly, Lewis, 2000; Lewis, 1998].

Стратегия анализа политики государства всеобщего благосостояния сквозь призму заботы включает рассмотрение макро- и микроуровня производства и потребления заботы. Макроперспектива ориентирована на изучение инфраструктуры социальной заботы, характерной для общества в целом, которая может быть описана в терминах наличных денег (cash), получаемых за выполнение данного вида работы (например, размер пособия по уходу за ребенком, стоимость услуг няни и возможные варианты их оплаты), а также стоимости услуг, предоставляемых семьей, государством, рынком и «третьим» сектором. В этом случае важно понять, насколько прямые материальные выплаты адекватны реальным затратам семьи на осуществление заботы; что входит в пакет косвенных форм поддержки, предоставляемых «поставщиками» услуг, каково их качество и доступность. Это позволит выделить вклад каждого актора (сектора) в выполнение заботы в целом, обозначить институциональные особенности, которые влияют на организацию заботы каждым актором и разделение ответственности между акторами, а также выявить типы политики, которая их (вос)производит.

Уровень микроанализа концентрирует внимание на содержании и контексте выполнения работы, связанной с заботой о зависимых членах семьи. Как распределяются гендерные роли внутри семьи, сколько времени тратит каждый взрослый член семьи на выполнение домашней работы, осуществление ухода и воспитания ребенка; является ли установленное разделение труда между супругами неизменным или оно переопределяется в зависимости от карьерной ситуации каждого; возраста ребенка; какие еще акторы, кроме родителей, участвуют в воспитании детей, и в чем выражается их помощь? Анализируя (вос)производство благосостояния на микроуровне, исследователи экстраполируют выводы о социальной заботе на общество в целом и приходят к выводу о «государственном патриархате» в обществах всеобщего благосостояния [Daly, Lewis, 2000. P. 286].

Меры политики заботы

Центральными для нашего рассмотрения являются вопросы: как институционализована забота о детях (родительство) в той или иной модели семейной политики? Как распределяется ответственность за выполнение заботы между государством, рынком, семьей, мужчинами и женщинами? В пользу какой формы заботы делается выбор? Отдается ли предпочтение прямой материальной поддержке в виде пособий и прочих денежных вы-

плат или опосредованной сервисной поддержке через создание и развитие инфраструктуры детских учреждений? Для того чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо рассмотреть политику заботы, то есть варианты поддержки, предоставляемые родителям в рамках семейной политики, проводимой государством всеобщего благосостояния.

Меры политики заботы включают широкий диапазон действий государства всеобщего благосостояния в разных областях: здравоохранение, образование, занятость, социальное обеспечение. Предлагаемые в рамках семейной политики пакеты поддержки можно представить как ответы на потребности семей и / или граждан с семейными обязанностями, возникающие у них в связи с рождением ребенка. Потребности в поддержке связаны со временем и материальными затратами, потраченными на осуществление заботы о детях. Меры политики заботы и инструменты семейной политики совпадают в предоставлении материальной (деньги) и сервисной поддержки родительства (услуги), а также родительских отпусков (время) [Чернова, 2008]. Детские пособия и выплаты никогда не были платой за труд по воспитанию ребенка. Эти пособия направлены на то, чтобы компенсировать затраты, связанные с воспитанием и уходом за ребенком, являясь по сути способом горизонтального перераспределения доходов между различными категориями граждан. Развитая инфраструктура детских дошкольных учреждений и доступность этих сервисов для семей способствует повышению экономической активности матерей, позволяя им совмещать профессиональные и родительские обязанности.

Возникает вопрос – как соотносятся предпринимаемые государством действия в сфере семьи и способы институционализации социальной заботы? Денежные выплаты, являясь традиционным инструментом социальной и семейной политики, в рамках политики заботы имеют не только экономические, но и социальные последствия. Если в семейной политике разнообразные формы прямой материальной поддержки направлены на компенсацию финансовых затрат родителей, связанных с уходом и воспитанием ребенка, на поддержание благосостояния ребенка в целом, то в политике заботы они приводят к возникновению спроса на определенную занятость, связанную с уходом за детьми: няни, имеющие государственную аккредитацию; ясли, организованные ассоциацией родителей; прогулочные группы и так далее. Создание таких рабочих мест позволяет повысить уровень профессиональной занятости женщин, удовлетворить спрос на данный вид услуг, а также изменить сам статус заботы, придав ей вид формальной занятости. В качестве примера можно привести пособие, позволяющее выбирать способ ухода за ребенком до достижения им шести лет, которое предоставляется во Франции с января 2004 года. Сумма пособия компенсирует родителям расходы на аккредитованную няню, занятую как в государственном, так и частном секторе. Оплата труда няни может производиться как наличными деньгами непосредственно самими

родителями, которые получают компенсацию, так и через семейные ясли с использованием сертификатов на такого рода услуги [Зубченко, 2009].

Политика заботы, проводимая государством всеобщего благосостояния, может легитимировать данный вид труда; выводить из приватной сферы в сферу публичной экономики, лишая его статуса неоплачиваемой работы. В данном случае можно говорить о позитивных социальных последствиях коммодификации заботы как способе решения проблемы «дефицита заботы» [См.: Ungerson, 1995]. В рамках семейной политики денежные выплаты представляют собой варианты прямой материальной поддержки семьям с детьми, компенсирующие непосредственные расходы, связанные с уходом и воспитанием детей. Кроме того, есть возможности возмещения косвенных издержек, например, через налоговые скидки, связанные с оплатой частных или рыночных услуг по заботе. Таким образом, меры, адресованные субъектам и поставщикам заботы, представляются более широкими по сравнению с традиционными инструментами семейной политики, охватывая не только прямые, но и косвенные расходы, связанные с производством и потреблением заботы.

Меры политики заботы связаны с регулированием профессиональной занятости граждан с семейными обязанностями. В данном случае родительский отпуск может рассматриваться как способ сокращения издержек работающих родителей в том случае, если они на определенный период уходят с рынка труда и сами заботятся о детях. Наиболее показательным примером в данном случае является родительский отпуск, который появился как отдельная мера семейной политики в Швеции в 1974 году и затем стал использоваться практически во всех западно-европейских странах. Принципиальное отличие родительского отпуска от материнского (декретного) состоит в том, что им могут использовать как мать, так и отец. Наибольшей популярностью родительский отпуск пользуется в скандинавских странах, где он является оплачиваемым (Норвегия), а также есть возможности использовать отпуск частями и совмещать его с неполной занятостью (Швеция). Иными словами, не только деньги, но и время становится одним из благ, предоставляемых государством всеобщего благосостояния родителям. Практически все исследователи сходятся во мнении о том, что основная тенденция развития моделей семейной политики в странах западной Европы заключается в предоставлении родителям оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком.

Различия между политикой разных государств заключается в продолжительности родительского отпуска (минимальный период равен трем неделям), формах использования (полностью или частями) и нормах оплаты. Трудовое законодательство европейских стран поддерживает это благо, легитимируя родительскую заботу о детях и сохраняя рабочее место за теми, кто воспользовался этим правом. Очевидно то, что такие формы поддержки особенно значимы для женщин, которые оказы-

ваются в менее выгодной рыночной ситуации после рождения ребенка по сравнению с мужчинами, а также женщинами без детей или с детьми более старшего возраста, то есть теми работниками, которые оставались на рынке труда. К этому типу мер можно отнести следующие: сокращенный рабочий день, неполная занятость, самозанятость, а также другие меры, направленные на более успешное совмещение работающими родителями профессиональных и семейных обязанностей.

Таким образом, используя одинаковые инструменты, семейная политика и политика заботы могут приводить к различным социальным последствиям. Кроме того, режим заботы может иметь различное институциональное оформление в зависимости от модели семейной политики. Так, Франция и Финляндия существенно различаются по направленности и дизайну семейной политики. Если в первом случае можно говорить о пронаталистской, консервативной модели, ориентированной на стимулирование рождаемости посредством экономических механизмов, то во втором – о политике, ориентированной на установление и поддержание гендерного равенства не только в сфере профессиональной занятости, но и в сфере родительства, при значительном участии государства в обеспечении работников с семейными обязанностями. Вместе с тем для этих стран характерен общий режим заботы, в рамках которого родителям оказывается помощь, для того чтобы они могли сочетать воспитание детей и профессиональную занятость. Для достижения данной цели государственная политика поддерживает широкий спектр внесемейных форм ухода и заботы о детях: от государственных детских садов до частных яслей и нянь, расходы на которые компенсируются семьям [Daly, 2002. P. 254–258]. Таким образом, включение категории заботы в анализ семейной политики позволит более детально понять существующие между ними различия.

«Режимы заботы»: этатизация, приватизация и маркетизация

Джейн Льюис разработала типологию моделей «сильного», «слабого» и «смешанного» кормильца и предложила новое направление анализа гендерных аспектов государств всеобщего благосостояния [Lewis, 1997]. Критические аргументы в адрес этой типологии заключались в том, что она не уделила достаточного внимания важной проблеме неоплачиваемого труда, выполняемого преимущественно женщинами в домашней сфере. Для того чтобы преодолеть этот недостаток, Льюис предложила новое направление анализа гендерных режимов¹ государств всеобщего

¹ Термины «гендерный режим» и «режим гендерной политики» государств всеобщего благосостояния были введены Д. Сейнсбери [Sainsbury, 1999]. Более подробно о моделях гендерной политики Д. Сейнсбери см.: [Социальная политика... 2004].

благополучия [Lewis, 1997]. Она ввела понятие «режим заботы» (caring regimes), который определяет то, как политика государства всеобщего благополучия конструирует женскую неоплачиваемую работу [Ibid. P. 169]. «Режим заботы», по Льюис, определяется тем, как неоплачиваемая работа, связанная с заботой о детях, оценивается в обществе и как выполнение этой работы разделено между государством, рынком, мужчинами и женщинами. В зависимости от конфигурации акторов-поставщиков заботы и мер поддержки, предоставляемой семьям, можно по-новому типологизировать государства всеобщего благополучия. Государственное обеспечение и поддержка сервисов по осуществлению заботы в большей степени развиты в Скандинавских странах, в то время как другие страны, прежде всего Великобритания, стремятся к созданию квазирыночного обеспечения заботы, при котором государство продолжает финансирование подобных сервисов, но ожидает большего участия в этой деятельности волонтеров и частного сектора [Ibid. P. 172].

Помимо этого Льюис критически переосмысливает понятие декоммодификации, которое было центральным в подходе Эспинг-Андерсена. Она отмечает, что в своем анализе Эспинг-Андерсен рассматривает исключительно «мужскую» версию декоммодификации. Под работником им понимается исключительно мужчина и не учитывается важность неоплачиваемой работы для благополучия индивида и того факта, что именно женщины выполняют данную работу в своих семьях. Льюис считает, что декоммодификация как понятие обладает гендерным значением, которое выражается в том, что она имеет разные смыслы и последствия для мужчин и женщин. С одной стороны, участие женщин в оплачиваемой занятости может выступать способом эмансипации, поскольку уменьшает их экономическую зависимость от мужчин, усиливает их позицию на рынке труда и играет важную роль в их матримониальном поведении, в частности в принятии решения о разводе. С другой стороны, женщины не являются абсолютно свободными при принятии решения о том, работать им или нет, и в каком формате участвовать в занятости. Они не действуют в соответствии с логикой рационального выбора, поскольку гендерное неравенство в выполнении неоплачиваемой работы (домашней работы и заботы о детях и других зависимых членах семьи) составляет набор ограничений, которые играют главную роль в определении участия женщин в оплачиваемой занятости.

Для того чтобы анализировать отношения между оплачиваемой, неоплачиваемой работой и благополучием в режимах государств всеобщего благополучия, Льюис предлагает использовать понятие дефамилизации (defamilization), которое позволит понять то, каким образом мужчины и женщины участвуют в выполнении неоплачиваемой работы в семье. По ее мнению, именно это понятие «покажет как сильно мужчинам и женщинам нужно помочь в урегулировании оплачиваемой и неоплачиваемой за-

нятости» [Lewis, 1997. P. 173]. По аналогии с понятием декоммодификации (как степени свободы работника-мужчины от давления рынка; возможности, не участвуя в профессиональной занятости, поддерживать определенный уровень благосостояния за счет различных мер социальной поддержки) дефамилизация подчеркивает право на участие или неучастие в неоплачиваемой работе. В этом случае цель социальной политики должна состоять в том, чтобы обеспечить институциональные возможности выбора между оплачиваемой и неоплачиваемой работой, между выполнением и невыполнением заботы как для мужчин, так и для женщин [Lewis, 1997].

Барбара Хобсон развила понятие режима заботы, используя его для анализа социальных прав одиноких матерей [Hobson, 1994]. Она проводит различие между двумя альтернативными режимами, в рамках которых предоставляется компенсация и поддержки тем, кто выполняет данную работу, реализуются последовательные стратегии к организации, оплачиваемой и неоплачиваемой работы. В первом режиме заботы предполагается, что поскольку забота осуществляется преимущественно матерями, одинокие матери имеют право на социальную заработную плату в виде специальной материальной поддержки со стороны государства как «работники», выполняющие этот вид деятельности. Второй, альтернативный, режим предполагает, что все матери, в первую очередь являются наемными работниками в сфере профессиональной занятости, а государство предоставляют доступные им услуги по уходу за детьми. Такое делегирование заботы детским учреждениям позволяет матерям участвовать в занятости наряду с другими работниками – мужчинами и / или женщинами, не имеющими детей; возможность оплачивать услуги по уходу за ребенком базируется на их трудовом – рыночном статусе [Hobson, 1994].

Режим заботы включает не только определенный набор различных форм прямой и косвенной поддержки, адресованных семье, но и нормативные представления о хорошей заботе, а также о субъектах заботы, их статусе в обществе. Можно выделить следующие элементы режима заботы: (1) идеал заботы, то есть дискурсивные представления о том, что такое хороший уход и воспитание, кто является наиболее «компетентным» субъектом заботы; (2) локализация практик, связанных с уходом и заботой о зависимых гражданах (государственные институты, рыночные сервисы, семья, третий сектор); (3) статус социальной заботы в конкретном обществе – является ли эта деятельность социально значимой и признаваемой в качестве работы и, следовательно, оплачивается или она мыслится в категориях внутрисемейной поддержки и морального долга членов семьи в отношении друг друга. Иными словами, режим заботы представляет собой институционально оформленное государственной политикой нормативное представление о том, кто должен осуществлять эту функцию, в каком объеме и на каком уровне качества. Мы предлагаем рассматривать три режима заботы: «этатизация», «приватизация» и «маркетизация». Предло-

женные определения достаточно условны и призваны отразить основные направления развития семейной политики в странах Западной Европы.

Режим этиатизации заботы главным образом характерен для скандинавских стран (социально-демократической модели семейной политики). Он выстраивается на основе двух упомянутых выше идеалов заботы – «участия обоих родителей», когда и отец и мать разделяют обязанности по организации ухода за ребенком, а также «профессиональной заботы» [Kremer, 2006], которые в данном случае не противоречат, а дополняют друг друга. Предполагается, что в уходе и воспитании ребенка участвуют оба родителя, разделяя между собой ответственность и обязанности, а чем старше становится ребенок, тем большую роль в этом процессе должны играть профессионалы. Преимущества институционализированной заботы для детей старше трех лет заключаются в том, что в детских образовательных учреждениях, где с ними занимаются профессиональные педагоги, и где они имеют возможность общения между собой и другими взрослыми, дети лучше социализируются, получая необходимые образовательные, социальные и коммуникативные навыки, чем в семье. Осуществление социальной заботы о детях происходит при значительной поддержке со стороны государства, которое берет на себя достаточно большую часть обеспечения ухода и заботы о «зависимых гражданах», при этом его действия направлены на продвижение политики гендерного равенства как в публичной, так и приватной сферах, создание оптимальных условий для сочетания профессиональных и родительских ролей женщинами и мужчинами. Обеспечение сервисами по уходу за детьми носит универсалистский характер и представлено организованными на местном уровне детскими учреждениями, которые являются общедоступными и финансируются из налоговых средств, собираемых государством. В этом случае деятельность по осуществлению заботы имеет формальный статус, рассматривается в категориях работы, что предполагает материальное и социальное одобрение и поддержку субъектов заботы (родителей и профессионалов).

Трудности реализации данного режима заботы связаны главным образом с экономическими причинами, нехваткой средств для продолжения финансирования учреждения в полном объеме, и в наименьшей степени с разочарованием в государственной форме заботы о детях. Консервативно настроенные ученые критикуют социально-демократическую модель семейной политики и режима этиатизации заботы [Карлсон, 2009]. Авторы говорят, что государство всеобщего благосостояния в том виде, в котором оно существует в странах северной Европы, в первую очередь в Швеции, привело к тотальной зависимости личности от государства, где в результате семейной политики была разрушена солидарность внутри семьи:

люди старших поколений «свободны» от потенциальной зависимости от своих выросших детей; младенцы, дети и подростки «свободны» от необходимости полагаться на своих родителей в том, что касается их

защиты и средств к существованию; когда они вырастут и станут взрослыми, они будут «свободны» от каких-либо серьезных обязательств по отношению к своим биологическим родителям и к своим детям; наконец, мужчины и женщины «свободны» от каких-либо серьезных обязательств, некогда воплощавшихся в браке. Эта «свобода» дается в обмен на всеобщую и всепроникающую зависимость от государства и почти полную бюрократизацию того, что когда-то было семейной жизнью [Карлсон, 2009. С. 274].

Кроме того, профамилистские исследователи крайне негативно оценивают идеи феминизма и гендерного равенства, считая, что именно они привели к «смерти» семьи и падению уровня рождаемости в западных обществах.

Остальные западно-европейские страны можно отнести к двум другим режимам заботы на основе характерной для них тенденции, связанной с приватизацией или маркетизацией заботы [Daly, Lewis, 2000; Daly, Rake, 2003; Daly, 2002]. Основанием для проведения различий служит характер и степень приватизации / маркетизации. Страны с консервативной семейной политикой в большей степени ориентированы на приватизацию заботы, в то время как для стран, проводящих либеральную семейную политику, характерен выбор в пользу маркетизации социальной заботы. Общим для обеих моделей семейной политики является то, что государство не рассматривается в качестве основного «поставщика» заботы, в зависимости от режима заботы выбор делается в пользу семьи или «независимого» от государства сектора – рынка или волонтерских организаций (квазирыночные отношения).

Идея о приватизации социальной заботы нашла наиболее широкую поддержку в странах с либеральной моделью семейной политики. К основным причинам, оказавшим влияние на изменение направленности политики заботы, можно отнести, во-первых, специфику семейной политики таких стран, как, например, Великобритания, где приватная сфера считалась «зоной, свободной от государства» (state-free zone). Степень вмешательства государства в жизнь семьи заключалась в минимальной поддержке особо нуждающихся граждан, в то время как все остальные должны были сами нести ответственность за обеспечение заботы о детях, так как основные расходы на оплату услуг, предоставляемым частным сектором в яслях, детских садах и группах, созданных при школах, оплачивают родители, а государство выделяет на их содержание все меньшую долю в общем объеме поступлений. Британский закон о социальном обеспечении детей от 2006 года подтверждает эту тенденцию [Капанова, 2009. С. 107–109]. В целом забота в этом режиме осуществлялась в семье, в домохозяйстве, а также с использованием родственных сетей преимущественно женщинами. Такие образцы заботы легитимировались через идею значимости «основных агентов заботы» (primary

carers), каковыми определялись женщины и семья. Все другие формы заботы признавались «вторичными» и могли обеспечиваться государством или другими агентами. В своей речи на конференции Консервативной партии будущий секретарь Департамента социальных сервисов в Великобритании Патрик Дженкин выразил эту идею следующим образом:

Откровенно говоря, я не думаю, что матери имеют такое же право на труд, как отцы. Если бог замыслил всех нас имеющими одинаковое право на труд, он не стал бы создавать мужчин и женщин. Это биологический факт... Мы много слышим сегодня о социальной работе – однако, самая важная социальная работа – это материнство [Цит. по: Clarke, Langan, Willams, 2001. P. 90].

Речь идет о том, что акторы, участвующие в формировании государственной политики, декларируют идеал «полного материнства», подразумевая под ним то, что женщина посвящает все свое время исключительно уходу и воспитанию ребенка [Cremer, 2006]. Тем самым забота помещается в приватной сфере, что закрепляет за ней статус неоплачиваемой домашней работы, выполнение которой биологически детерминировано. Во-вторых, современные экономические вызовы, с которыми столкнулись все государства всеобщего благосостояния, привели к тому, что высокая стоимость государственной заботы была уже «не по карману» правительствам, и приватизация заботы стала рассматриваться ими как способ сокращения расходов. Таким образом, «приватизация заботы» для стран с либеральной моделью семейной политики, с одной стороны, послужила ответом на изменившиеся экономические условия, а с другой стороны, соответствовала сложившемуся распределению ответственности за осуществление заботы о зависимых членах семьи между государством, рынком и семьей, когда именно семья и женщины определялись в качестве основного поставщика заботы.

В странах с консервативной моделью семейной политики можно наблюдать другой вариант режима заботы. В данном случае можно говорить о маркетизации заботы, когда уход за зависимыми гражданами, осуществляемая за пределами семьи, является функцией волонтерского сектора как «добровольного» поставщика заботы. Что это означает на практике? Например, в Германии существует относительно большой сектор волонтерских организаций, который при финансовой поддержке государства обеспечивает объем услуг, связанных с заботой о детях и пожилых. В данном случае одна из главных причин перераспределения социальной заботы между государством, семьей и рынком, как отмечают исследователи, заключается в уменьшении роли семьи в осуществлении заботы. Это связано с изменением структуры семьи и ростом числа женщин, участвующих в профессиональной занятости. Консервативная модель семейной политики не предполагает того, что государство возьмет на себя обязанности по выполнению социальной заботы, поэтому рынок и квазирыночные инсти-

туты приобретают большее значение в качестве поставщиков заботы наряду с семьей [Daly, Lewis, 2000. P. 289]. Идеал заботы в данном случае можно определить как «суррогатная материнская забота», когда для присмотра за ребенком родители используют услуги, предлагаемые рынком, а также волонтерским сектором. При этом представление о том, что забота о детях наилучшим образом может осуществляться только матерью в семье, остается по-прежнему доминирующей. Локализация заботы имеет пограничный характер, включает семью и гражданское общества и рынок, при этом социальный и экономический статус субъектов заботы может не совпадать. Так, материальное вознаграждение за услуги няни подтверждает трудовой вклад наемных работников в осуществление социальной заботы, но этот тип занятости не обладает высоким престижем в обществе (большинство нянь и домработниц – это женщины из стран третьего мира).

Итак, одно из важных изменений политики заботы, которое позволяет нам выделить режимы заботы, характерные для разных моделей семейной политики, заключается в переопределении роли и вклада различных акторов в ее обеспечение. Перераспределение обязанностей между государством, рынком и семьей позволяет нам выделить три режима заботы на основе того, кто является ее основным поставщиком. Режим этиатизации заботы в большей степени характерен для скандинавских стран, в которых государство играет важную роль в социальном обеспечении граждан, оказывая существенное влияние на жизнь семьи и продвигая гендерное равенство не только в публичной сфере (политике и профессиональной занятости), но и в сфере семьи и родительства. Приватизация заботы, как второй режим, представляется более привлекательным для стран с либеральной моделью семейной политики, так как позволяет государству сохранять позицию практически полного невмешательства в жизнь семьи и существенно сократить расходы на данные виды услуг, делегировав их выполнение семье, а именно женщинам. Маркетизация заботы, как третий режим, связана с увеличением в последнее время роли рынка в государстве всеобщего благосостояния. В рамках этого режима заботы важными становятся вопросы об определении социальной заботы как оплачиваемой работы и регулировании этого вида деятельности рыночными механизмами.

* * *

Ответ на вопрос о том, кто выполняет заботу о зависимых членах семьи – государство, семья или рынок – становится в последнее время центральным для анализа государств всеобщего благосостояния. Именно забота, как аналитическая категория, позволяет понять современные дебаты об отношениях между индивидами, семьей, рынком и государством. Концепция социальной заботы обладает высоким эвристическим потенциалом для изучения семейной политики государств всеобщего благосостояния. Во-первых, данная категория позволяет анализировать

гендерное измерение государств всеобщего благосостояния. Исследования представлений о социальной заботе, значимости труда по осуществлению заботы, способов ее институционализации и основных поставщиков способны дать представление о гендерных различиях не только в сфере занятости, но и в сфере родительства. Эти вопросы пока редко попадают в фокус внимания исследователей социальной политики государств всеобщего благосостояния. Во-вторых, включение категории социальной заботы в анализ государств всеобщего благосостояния позволит получить более полное представление о специфике каждого режима и о тенденциях изменений, которые происходят в настоящее время. Дефицит заботы, который отмечается в развитых странах, ставит важные вопросы о том, кто и как будет удовлетворять возрастающий спрос на заботу. То, как государства отвечают на потребности граждан в заботе, переопределяет гендерное разделение труда, меняет локализацию и статус социальной заботы в обществе, перераспределяя ответственность за ее выполнение между государством, рынком, семьей и третьим сектором.

Список литературы

Зубченко Л. Семейная политика Франции // Государственная семейная политика европейских стран: Актуальные проблемы Европы / Под ред. К. Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 2009. С. 72–92.

Капранова Л. Семейная политика в Великобритании // Государственная семейная политика европейских стран: Актуальные проблемы Европы / Под ред. К. Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 2009. С. 93–111.

Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике: Гунар и Альва Мюрдади и межвоенный кризис народонаселения / Алан Карлсон; пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Мысль, 2009.

Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.

Хижный Э. Эволюция государственной семейной политики ведущих стран Западной Европы в конце XX – начале XXI вв. // Государственная семейная политика европейских стран: Актуальные проблемы Европы / Под ред. К. Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 2009. С. 11–44.

Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.

Anttonen A., Sipilä J. European social care services: is it possible to identify models? // Journal of European Social Policy. 1996. Vol. 6. № 2. P. 87–100.

Clarke J., Langan M., Williams F. Remaking Welfare: The British Welfare Regime in the 1980s and 1990s // Comparing Welfare States / Ed. by A. Cochrane, J. Clarke, Sh. L. Gewirtz. Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2001. P. 71–112.

Daly M. Care as a Good for Social Policy // Journal of Social Policy. 2002. Vol. 31. № 2. P. 251–270.

Daly M., Rake K. Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA. Cambridge: Polity Press, 2003.

- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Evers, A., Pijl M. and Ungerson C. (Eds)* Payments for Care. A Comparative Overview. Aldershot: Avebury, 1994.
- Graham H.* The concept of caring in feminist research: The case of domestic service // *Sociology*. 1991. Vol. 25. № 1. P. 61–78.
- Hobson B.* Solo mothers, social policy regimes and the logics of gender // *Gendering Welfare States* / Ed. by D. Sainsbury. L.; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1994. P. 170–188.
- Hochschild A.* The Commercialization of the Intimate Life: Notes from Home and Work. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 2003.
- Kremer M.* The Politics of Ideals of Care: Danish and Flemish Child Care Policy Compared // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2006. Vol. 13. № 2. P. 261–285.
- Lewis J.* Gender and Welfare Regimes: Further Thoughts // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 1997. Summer. P. 160–177.
- Lewis J. (Ed.)* Gender, Social Care and Welfare State Restructuring in Europe. Aldershot: Ashgate, 1998.
- Lewis J., Daly M.* The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 2. P. 281–298.
- Pfau-Effinger B.* Conclusion: Gender cultures. Gender arrangements and social change in the European context // *Gender, Economy and Culture in the European Union* / Ed. by S. Duncan and B. Pfau-Effinger. L. and N. Y.: Routledge, 2000. P. 262–276.
- Sainsbury D.* Gender and social-democratic welfare states // *Gender and welfare state regimes* / D. Sainsbury (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 75–106.
- Sevenhuijsen S.* Caring in the third way: The relation between obligation, responsibility and care in Third Way discourse // *Critical Social Policy*. 2000. Vol. 20. № 1. P. 5–37.
- Thomas C.* De-constructing concepts of care // *Sociology*. 1993. Vol. 27. № 4. P. 649–669.
- Tronto J. C.* Moral Boundaries. A Political Argument for an Ethic of Care. L.: Routledge, 1993.
- Ungerson C.* Gender, cash and informal care: European perspectives and dilemmas // *Journal of Social Policy*. 1995. Vol. 24. № 1. P. 31–52.
- Ungerson C. (Ed.)*. Gender and Caring: Work and Welfare in Britain and Scandinavia. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1990.
- Ungerson C.* Social Politics and the Commodification of Care // *Social Politics*. 1997. Fall. P. 362–381.

Жанна Владимировна Чернова

канд. социол. наук, доцент факультета социологии НИУ – ВШЭ Санкт-Петербург,
старший научный сотрудник ЦМИ НИУ – ВШЭ Санкт-Петербург

электронная почта: chernova30@mail.ru
